

Ляо Хуа сейчас был самым боеспособным военачальником в городе, к тому же он являлся преданным доверенным лицом Гуань Юя, так что допускать беды с ним было никак нельзя.

Ляо Хуа покачал головой и произнес:

— Ничего страшного. Уэрец пустил стрелу мимо, жизненно важные органы не задеты.

Говоря это, он разжал руку, прижимавшую грудь, обнажая торчащий оттуда обломок черногого древкового древка.

Гуань И подошел поближе и взглянул на рану Ляо Хуа. Наконечник вонзился в ключицу; отклонись он еще на дюйм с половиной — и угодил бы прямо в сердце. Неудивительно, что Ляо Хуа сказал, будто уэрец промахнулся.

Жизненно важные органы задеты не были, но на заживление такой раны все равно потребуется время.

Чжао Лэй нахмурился, бросил взгляд на Гуань И и заговорил:

— Маленький генерал, Юаньцзянь ранен, так что держать оборону в городе сможем только мы с тобой двое. Я намерен полностью перекрыть восточные, западные и северные ворота, оставив открытыми только южные. Дежурить будем по очереди: кто посмеет приблизиться к воротам — рубить без разговоров, никаких церемоний.

В западной части городанаходились лишь одни ворота, а во всем городе было всего пять тысяч солдат. Если расставить их по всему периметру запада, войска рассеются и толку от них не будет.

Замысел Чжао Лэя заключался в том, чтобы запечатать трое ворот и оставить одни. На восточной, западной и северной башнях поставить по пятьсот человек для наблюдения. У южных ворот сосредоточить основные силы — две тысячи воинов. Оставшиеся две с половиной тысячи распределить так: пятьсот патрулируют улицы, предотвращая беспорядки, а две тысячи находятся в резерве в глубине города, чтобы в любой момент прийти на помощь западу.

В вопросах обороны города у Гуань И в голове царил абсолютная пустота. Выслушав план Чжао Лэя, он не нашел в нем изъянов и, разумеется, не имел никаких возражений.

Чжао Лэй предполагал, что в первый день армия У больше не станет предпринимать активных действий. Он поручил Гуань И дневную смену, пообещав сменить его ночью.

Чжао Лэй повернулся и направился в город, чтобы заняться организацией обороны на тех трех башнях. Гуань И обернулся к Гуань Хао и приказал:

— Гуань Хао, возьми людей и следите за всеми постами.

— Есть, генерал!

Гуань Хао оставил тридцать из семидесяти личных телохранителей при Гуань И для его личной защиты, а остальные сорок рассредоточил по всем уголкам южных ворот.

Все эти телохранители были отборными бойцами, выбранными из армейских рядов. Гуань И не знал их предельных возможностей, но по сравнению с обычными солдатами он мог поручиться, что этих людей вполне можно отнести к элите второго уровня.

За городской стеной армия У отошла на двадцать ли и принялась вырубать деревья для возведения лагеря. Гуань И смотрел на них издалека, и сердце его вдруг забилося чаще, подсказав лихую мысль — проверить все как в прошлый раз под Майчэном: воспользоваться темнотой, прокрасться к ним и устроить пожар.

Но едва эта мысль возникла, он сам же ее и заглушил. Нападение на лагерь — слишком большой риск, тогда в Майчэне они шли на прорыв от безысходности. Теперь же у них есть стены, за которыми можно держаться, и Гуань И не хотел рисковать жизнями своих людей ради авантюры.

Хотя все эти воины были призваны системным путем, в глазах Гуань И они оставались живыми, настоящими мужчинами.

— Генерал, поешьте.

Гуань Хао подошел, держа в руках две грубые лепешки. Это был самый привычный армейский паек цзинчжоуской армии: прессованные лепешки из сорго с добавлением сушеной рыбы. Они были до того твердыми, что зубы обломаешь, но голод утоляли отлично.

Две грубые лепешки и пиала ухи из свежей рыбы — вот и весь нехитрый обед защитников Цзянлина.

В нынешние времена свежая рыба была роскошью, доступной далеко не каждому. Из-за отсутствия способов консервации, кроме жителей деревень у рек, озер и морей, простой люд свежей рыбы срочно не видел. А стоило рыбе хоть чуть-чуть испортиться — при тогдашнем кулинарном искусстве ее вкус... об этом лучше даже не вспоминать.

Гуань И никак не ожидал, что в военном пайке осажденного города окажется рыбный суп. Приправ в нем было минимум, но по мере того как он пил, в его памяти всплывал образ современной жареной рыбы.

Стоило воображению нарисовать аппетитный аромат, густо сдобренный зирой и красным перцем, как Гуань И судорожно сглотнул слюну. Он твердо решил: как только эта война закончится, он непременно раздобудет перец и прочие пряности, чтобы своими руками

состряпать что-нибудь по-настоящему вкусное.

Люй Мэн привел основные силы Восточного У к стенам города Цзянлин, и двухтысячная армия разбила лагерь на месте.

Цюань Цун и Дин Фэн выступили вперед и доложили о положении дел в городе. Услышав, что Дин Фэн уже одержал победу в первом столкновении, Люй Мэн не скрывал широкой улыбки.

Лицо же Дин Фэна выглядело несколько смущенным, и он произнес:

— Боевое мастерство этого Ляо Хуа примерно такое же, как у меня, так что вчерашняя победа вышла не слишком славной.

Услышав это, Люй Мэн рассмеялся во весь голос:

— На поле боя решают вопрос жизни и смерти, к чему тут разговоры о благородных методах? Чэнчжи, ты все еще излишне простодушен.

Дин Фэн больше ничего не ответил. В душе он был не согласен, но пререкаться не осмеливался.

Стоя на зубцах городской стены Цзянлина, Гуань И пристально смотрел на суетившихся внизу воинов У, которые рубили деревья для изготовления осадных орудий, и взгляд его помрачнел.

Пять тысяч против двадцати тысяч — исход этой битвы предсказать трудно.

Едва эта мысль промелькнула в голове, он поймал себя на том, что вовсе не испытывает страха; напротив, в груди закипала горячая кровь, рвущаяся наружу. То ли дело в проделки системы, то ли в его собственном боевом характере, заложенном в самой крови.

Пока солдаты У были заняты строительством осадных орудий, Цюань Цун во главе двухтысячного отряда подкрался к стене и вызвал защитников на бой.

— Слушайте, кто там на стене! Я — генерал Цюань Цун, у кого хватит смежности — спуститесь и сойдитесь со мной в честном поединке!

Цюань Цун облачился в панцирь с широкими рукавами, сжимал в руке копьё длиной в двенадцать чи, а сидел на гнедом коне с белыми отметинами. Выглядел он там, где стоял, поистине внушительно.

Брови Гуань И сошлись на переносице. Он чувствовал, как бранные выкрики неприятеля взбудоражили защитников, заставив их нервничать и злиться.

— Труссы цзянлинские, смелости хватит выйти?!

— В городе что, совсем не осталось мужиков?

— Неужели у Гуань Юя не нашлось ни одного храбреца?!

Оскорбления сыпались одно за другим. Цюань Цун приказал дюжине уэрцев снять верхнюю одежду и, обнажив торсы, приняться ужимками и кривляньями бегать под стенами — с очевидной целью до предела оскорбить тех, кто держал оборону.

— Мать твою!

Гуань И изумленно моргнул. Первым не выдержал вовсе не кто-то из ветеранов, а один из его собственных телохранителей.

Лицо этого воина побагровело от гнева, он единым движением выхватил висевший на поясе меч и проревел в ответ тем, кто стоял внизу:

— Уэродские сукины дети! Цзяндунские трусы! Есть духу — поднимайтесь сюда, победимся!

— Верно! Полезли наверх!

Цзиньчжоуские солдаты на крепостной стене вмиг взревели. По обе стороны от рва люди вовсю горланили ругательства, срывая голоса.

Переругивание продолжалось около часа, пока у обеих сторон не осипли глотки. Гуань И потерял запыленные уши.

Местные вояки гоняли по кругу одни и те же фразы, но когда несколько тысяч человек разом орала во всю мочь, зрелище и правда получалось масштабным.

Несколько солдат приволокли с десятков ушатов с водой, раздавая ее всем желающим по черпаку.

Напившись и переведя дух, бойцы на стене уже были готовы продолжить брань. Однако на стороне Восточного У под стенами такого изобилия не наблюдалось — враги там окончательно выдохлись и продолжать перепалку больше не могли.

Заметив усталость в рядах неприятеля, Гуань И почувствовал, как струна в его груди туго натянулась — он помнил стрелу, угодившую в Ляо Хуа.

— Гуань Хао, бери телохранителей, выступаем из города.

Подгадав момент, когда бдительность уэрцев за стенами ослабла, он твердо решил нанести неожиданный удар в тыл. Вражеский лагерь располагался в добрых двадцати ли от Цзянлина, и Гуань И все четко рассчитал: ворваться туда, устроить переполох и успеть вернуться в город до того, как противник опомнится, было вполне реально.

— Открывайте ворота!

Чжао Лэй отвечал за ночную стражу и к этому часу уже отдыхал. Внутри города никто не смел чинить препятствия Гуань И.

Семьдесят телохранителей быстро построились. Гуань И вскочил в седло, сжимая в руке тяжелый меч, найденный в резиденции Гуаня. Оружие весило семнадцать цзиней, древко было выточено из отборной дубовой древесины, а клинок изогнут наподобие лунного серпа и достигал семи чи в длину.

На первый взгляд он отдаленно напоминал Меч Зеленого Дракона, Срубающий Луну, которым сражался его отец Гуань Юй, но по весу уступал ему многократно.

— Генерал, у противника движение.

Дозорные армии У заметили отряд Гуань И. Однако Цюань Цун, бросив беглый взгляд на эту кучку в несколько десятков всадников, лишь презрительно усмехнулся краешком рта.

— Построиться в боевой порядок.

Солдаты У с трудом поднялись на ноги; животы у них подвело от голода, но раз противник насчитывал всего несколько десятков цзинчжоуцев, страха они не испытывали ни малейшего.

Цюань Цун похлопал коня по шее, уже занеся руку над рукоятью клинка.

— Стоять!

Гуань И взмахнул рукой, и телохранители натянули поводья. До воинов У оставалось всего тридцать метров, а оглянувшись назад на Цзянлин, он увидел, что до стен менее ста метров — ровно на пределе дальности полета стрел с городских башен.

Он похлопал коня по шее и во весь голос крикнул:

— Здесь Гуань И! Кто из вас, мерзавцы, осмелится выйти на честный поединок?!

Услышав имя Гуань И, Цюань Цун на мгновение растерялся, а затем повернулся к стоявшему рядом личному стражнику:

— Гуань И? Это еще кто такой?

Несколько охранников переглянулись и покачали головами. Гуань И участвовал в боях лишь пару раз, и мало кто знал его в лицо.

— Да какой-то сопляк, зачем генералу пачкать руки? Я сам сниму его голову и принесу вам.

Из свиты Цюань Цуна выступил один из приближенных воинов; оценив молодого Гуань И, которому на вид было от силы лет пятнадцать-шестнадцать, он смотрел на него с полнейшим презрением.

— Добро. Цюань У, ступай ты.

Цюань Цун знал, что Цюань У боец неплохой, и кивнул.

Ладони Гуань И вспотели от напряжения, пальцы намертво вцепились в рукоять меча. Но на лице его не было ни тени страха — он даже протянул руку, чтобы нащупать крепкий лук за поясом: именно это оружие служило главным источником его уверенности перед вылазкой.

Цюань У пришпорил коня и помчался вперед. Этот детина отличался устрашающими габаритами — ростом не менее девяти чи, с густой бородой щетиной и тяжелым мечом наперевес, вид он имел свирепый до жути.

У Гуань И глаза полезли на лоб.

— Матерь божья, в нем же роста метра два с лишним будет, не меньше!

Сидя в седле, громила едва не волочил ноги по земле. Одним своим видом он давил на Гуань И почище любого приказа.

— Назови свое имя!

Подражая полководцам из телевизионных исторических драм, Гуань И во всю глотку заорал эту фразу.

От этого окрика мчавшийся на него Цюань У слегка сбавил ход.

Натянув поводья боевого коня, тот расхохотался:

— Отец твой из отряда генерала Цюань Цуна...

— Смерть!

Не дожидаясь окончания речи, Гуань И пустил скакуна в галоп.

— Держи удар!

Гуань И отчетливо понимал, что противник обладает немалой силой, поэтому решил использовать инерцию несущегося коня и нанес сокрушительный удар сверху вниз.

Цзинь!

Цюань У поспешно вскинул меч, отражая атаку.

— Мелкий щенок, а удар исподтишка хорош!

Цюань У сжал зубы, его глаза налились кровью и стали размером с медные монеты. Гуань И ударил с разбега, используя скорость коня, тогда как он принималдар на месте, из-за чего в обмене ударами сразу оказался в невыгодном положении.

Гуань И ничуть не покраснел. По сравнению с вражескими стрелами из засады, он по крайней мере честно предупредил криком: Смотри, мол, рублю.

Поскольку внезапная атака не удалась, Гуань И оставалось лишь стиснуть зубы и сойтись с Цюань У в честной схватке.

Стоило бою завязаться, как Гуань И неожиданно почувствовал некоторое облегчение.

При всей своей грозной внешности Цюань У обладал лишь грубой силой, а владение мечом у него хромало на обе ноги. Зато Гуань И отлично владел вторым уровнем мастерства владения мечом, так что, нанося рубящие удары то справа, то слева, уже через несколько столкновений он перехватил инициативу.

Кто бы мог подумать, что владение мечом второго уровня окажется настолько эффективным! Размышляя об этом, Гуань И взмахивал клинком все быстрее и быстрее.

Этот пацан владеет мечом слишком быстро, так дело не пойдет, надо уносить ноги.

Азарт Гуань И рос с каждой секундой, в то время как противостоявший ему Цюань У уже начал сбиваться с ритма и подумывать об отступлении.

Дзинь!

Поздравляем хозяина! Вы постигли особый навык владения мечом: Мгновенное Убийство.

Гуань И и военачальник армии У Цюань У яростно рубились под стенами Цзянлина. В разгар боя Гуань И внезапно постиг скрытый навык владения клинком — Мгновенное Убийство.

Особый навык владения мечом — Мгновенное Убийство: мгновенный всплеск сил, многократно увеличивающий физическую силу и скорость. Время восстановления: один час.

Мгновенное Убийство, активировать!

Гуань И попытался применить этот навык.

В тот же миг меч в его руке стал легким, как пушинка. А движения Цюань У словно замедлились в замедленной съемке.

Пхм!

Клинок пронесся со скоростью молнии, чиркнув Цюань У по груди.

<http://bllate.org/book/19344/1891705>